

Антикритика

Хладнокровные замечания на толки гг. критиков Истории государства Российского и их сопричетников

Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. -- СПб.: РХГА, 2006.
OCR Бычков М.Н.

Г. Арцыбашев думает, что Карамзин неправильно дал заглавие славному своему труду: *История государства Российского*; ¹ по суждению сего критика (который вообще не показывает больших сведений в русском языке), должно б было сказать: *История о ...* Почему же? Не потому ли, что в старопечатных наших книжках, особливо лубочной печати, находим: *История о Ваньке Каине, История о петухе и его поступках!* Забавна ссылка г. Арцыбашева на языки французский, английский, итальянский и немецкий (*Histoire de l'empire de Russie; the history of the Russian Empire; la storia dell Imperio di Russia; Geschichte des Russischen Reichs*). Вникнул ли г. Арцыбашев в дух сих языков и в различье, существующее между ними и языком русским? Понял ли он, что исчисленные им языки иностранные управляются именами и предложениями, не имея правильных падежей. Следуя его правилу, Г Empire de Russie будет у нас Империя о России; the Kingdom of England -- Королевство об Англии; il Regno di Napoli -- Королевство о Неаполе и т. п. Если бы г. критик получше обдумал: какой язык следовало ему сравнить с русским в подобном случае, то бы должен был выбрать язык латинский. Спрашиваем у самого г. Арцыбашева, можно ли сказать полатыни: *Historia de Russia, Historia de populo Romano* вместо *Historia Russia, populi Romani*.

Г. Строев выступил также на полемическое поприще и стал под тяжелый стяг бойцов, *заратившихся* на Историю государства Российского. *Широковещательное* и *многошумящее* послание его к г. Погодину *гласит тако*: что он-де г. Строев, быв еще малоопытным юношею, сообщал свои замечания Карамзину на его историю; что его-то-де Карамзин выслушивал и слушался, что он-то-де получал учтивые письма от Карамзина и пр. и пр. Самолюбие есть такая ослепительная страсть, которая исключительно к себе относит все малейшие знаки внимания, или учтивости, оказываемые самолюбцу наравне со всеми другими людьми, и выводит из того самые благоприятные для себя заключения. Кто знал лично Карамзина, кто видал его в кругу его знакомых, тот иначе объяснит его обращение с г. Строевым. Карамзин, при благодушии и кротости нрава имел самый приятный светский ум. Привыкнув жить в высшем кругу большого света, он терпеливо выслушивал всякого человека, несогласного с ним в мнениях; никогда не спорил горячо, никогда не защищал упорно своего мнения, но возражал тихо, вежливо, с пленительною добротою. Благоклонная улыбка не оставляла его лица и тогда, когда он вступал в ученые прения, а лестный тон его речей ободрял спорящего с ним. В особенности был он приветлив с молодыми людьми и любил завлекать их в ученые разговоры, ибо считал, что сие служит к развитию их способностей. Вот нравственные причины, по которым Карамзин мог выслушивать г. Строева, разговаривать с ним и даже писать к нему в таких выражениях, кои г. Строев выставляет нам в виде должной дани высоким его дарованиям и познаниям. -- Этот длинный приступ г. Строева клонится к тому, чтобы доказать русской публике, что он-де, г. Строев, и ему подобные, как, например, гг. Арцыбашев, Погодин и пр., могут одни только писать критические замечания на Историю, сочиненную Карамзиным, и расценивать ее по-своему, вопреки уму и вкусу. Остальное в письме г. Строева заключает в себе грубую выходку против тех, кои осмелились подавать голос свой за бессмертный труд Карамзина, в опровержение кривотолков "Московского Вестника". Здесь, между прочим, г. Строев делает мнимо-остроумные намеки на счет князя Вяземского, Полевого и Сомова и спрашивает: "Где же их труды археологические? На чем они основывают право быть судьями в великом деле отечественной истории?" Этим вопросом всего легче и всего приличнее поменаться с самим г. Строевым: в чем состоят, например, его труды археологические? Разве в том, что он обдувал и обметал пыль со старинных рукописей в одной библиотеке и вписывал заглавия тетрадей в каталог. Но это труд каталожного поставщика, и его мог бы выполнить всякий смышленный сиделец книжной лавки. На чем основывает он *свое* право быть судиею в великом деле отечественной истории? На том ли, что лет за пятнадцать пред сим собирал подписку на *Историю войска Донского*, которая существовала только в газетных объявлениях? Но это также труд не мудреный, и историческая слава не завидная собирать подписку и не выдать книги.

"Московский Вестник" недоволен *Историєю государства Российского*, творением Карамзина: нет ли здесь намек на то, что мы скоро увидим новую историю России, или *о России*, написанную по *новым*